



# СВЕТЛЯЧОК

16.11.2012

№12 (20) Ноябрь 2012 года

## • Презентации Всё всерьёз

У Владимира Юринова действительно – всё всерьёз, и по жизни, и в творчестве. Профессия – военный летчик, серьёзнее не придумаешь. Семья – раз и навсегда, сегодня уже можно это утверждать, не боясь сглазить, ведь за плечами 24 года семейной жизни, надёжная жена, она же, по совместительству, – муза, трое взрослых детей. Многократное успешное участие в Грушинском фестивале авторской песни, троекратное лауреатство в Каблуковской радуге, поэтическом празднике под Тверью, три самиздатовских сборника. Нашлось бы и ещё что перечислить. Но сейчас не об этом.

«Всё всерьёз» - так назвал Владимир свой пятый диск песен и стихов, презентация которого состоялась недавно в районной библиотеке. Кроме произведений, записанных на диске, собравшиеся в зале услышали и не включённые в него, но прошедшие проверку временем и полюбившиеся многим песни, например, - «Моисей». У этого глубоко философского текста много поклонников, равно, как и противников. Непростое дело – браться за библейскую тематику, но Юринов достойно с ним справляется, глубоко изучив материал по теме, прежде чем взяться за перо. Всё всерьёз. И с какой бы меркой читатель не подходил к произведению, оно, во всяком случае, заставляет задуматься о смысле жизни.

Не надо думать, что только философской тематикой ограничивается автор. Его творчество разнообразно. Есть в его стихах место и юмору, особенно, «когда на мягком и в халате», и тонкой лирике, в которой «жёлтый лиственный шёпот душу шёлково лечит»...

А впрочем, смотрите сами. Мы предлагаем вам две песни из презентуемого альбома и несколько стихотворений последних лет.

М. Петрова



## ПЕСНЯ ПОД ДОЖДЁМ

...А дождь, торопясь, барабанит по скатам,  
а дождь пахнет сеном и мокнущей пылью.  
Мы все непременно любили когда-то.  
Когда-то любили...  
Но что за трагедия, если все живы и целы вполне?  
И что за беда, если лист пожелтевший сорвался и  
канул?  
Никто не вложил в твою руку ни чёрную метку, ни  
камень.  
Никто не гасил свет в задёрнутом плотной  
портьерой окне.  
Но в крик закричит размалёванный рыжий  
ковёрный паяц:  
скользнув по манежным опилкам, рассыпался  
солнечный зайчик.  
И кто отличит бутафорские слёзы от слёз  
настоящих?  
Тем более, если минуту спустя рыжий пустится в  
пляс.  
Ну что тут поделать – мы ждём перемены.  
Ведь мы так устроены, глупые люди, –  
когда-то полюбим мы все непременно.  
Когда-то мы все непременно полюбим...  
Мы помним, как спас Эвридику из ада крылатый  
Орфей.  
Мы знаем, что ищет любимого Кая упрямая Герда.  
Мы верим, что будет Любовь, если живы Надежда и  
Вера.  
И смело пускаемся в путь... до ближайшего к дому  
кафе.  
В простенке меж прошлым и будущим вдаль  
ковыляя едва,  
худыми ботинками хлюпаем в кашистом снежистом  
супе.  
Всю ночь напролёт убеждаясь, что вновь абонент  
недоступен,  
мы днём продолжаем из льдинок слагать ледяные  
слова...  
А дождь, торопясь, барабанит по скатам...  
Ведь мы так устроены, глупые люди...  
Мы все непременно любили когда-то.  
Когда-то мы все непременно полюбим.  
Мы все непременно любили когда-то...  
Когда-то мы все непременно полюбим.

(начало на стр.1).

**ДОЖДЬ И ДЮМА**

Дождь, помноженный на ветер, равняется –  
жуть.

Эта жуть ломает ветки и пляшет по крышам.

Я горячий лоб холодным стеклом остужу,  
понимая, что тебя всё равно не увижу.

За окном начало нового дня,  
пробирается по лужам народ,  
а согретая тобой простыня  
ещё контуры твои бережёт.

Я украшу бутерброд колбасой  
и, не тронув суеверно кровать,  
заберусь с ногами в кресло с Дюмой –

ждать...

И помчится по страницам смельчак

Д'Артаньян.

Я, следя за этим мачо, чуток успокоюсь...

Вот скажи: у нас с тобой – это всё же роман?

Впрочем, вряд ли, так, скорей –

небольшенькая повесть.

В каждой повести есть микроизьян.

Вот Дюма. Он – классик. Он не соврёт.

Ведь задержится на миг Д'Артаньян,  
и Констанция, бедняжка, умрёт.

И пусть в доме больше нет колбасы,  
дождь редееет – разве это не знак?

И, подумав, согласились часы:

– Так!..

Льёт торшер свой апельсиновый свет.

Он немножечко похож на луну.

И выходит, что – хочу или нет –

а дочитаю я сегодня Дюму.

На столе гитара, рядом – блокнот.

На планету надвигается ночь.

И стучится одиноко в окно

дождь...

**ВОТ ЛИСТ...**

Вот лист. Он чист.

Он гол.

Он извлечён.

Он бледен пред последним испытаньем.

Сосуд для тайн, он сам – слепая тайна,

нечуждый чарам белоснежный чёлн.

Сосна,

берёза

или, может, клён?

Кем был он в прошлой жизни –

дубом,

елью?

Какие птицы ему песни пели?

Какие ветры шелестели в нём?

Он в неге жил?

Иль, может, в маяте?

И кто – наивный праведник иль грешник –  
тот путник был, которому он нежно  
дарил свою узорчатую тень?..

Теперь, пилой от жизни отсечён,  
он мёртв,

безлик,

он хладен и размерен,

посредством целлюлозных машинерий

в стандартный «офис пейпер» превращён.

И ждёт его теперь последний путь, –  
унылый путь,

пустынная дорога,

предельно удалённая от Бога,

с которой не сойти и не свернуть.

Он обречён на повседневья плен,

на канцелярья буднишную мерзость,

на плоскость,

на скалярность,

одномерность,

на пустоту,

забвение

и тлен...

Но выход есть!

В крошечной пустоте

есть слабый вздох надежд на Воскрешенье, –

сквозь светлый огонь высокого горенья –

к залитой солнцем горней высоте.

Есть два пути листу не пасть на дно,

не сгинуть,

не пропасть,

не кануть в Лету.

Есть два пути –

отдать тот лист Поэту

иль сжечь в огне.

Что, впрочем, – всё одно...

2009 г.

**СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА**

Она в своей испорченности праздной

напоминает мне кабриолет:

роскошна, элегантна, безотказна,

одна проблема - крыши напрочь нет.

**РОССИЯ. ВЕСНА.**

Россия уникальна. И давно.

Здесь волшебство растворено в природе.

Ну, где ещё под снегом - сплошь говно?

И лёд с дорог с асфальтом вместе сходит?

## • Размышления о прочитанном

**О пророках, звездах и любви**

Когда во второй половине восьмидесятых годов прошлого века стала доступной разного рода информация, то, как многие, отдал я дань мистике вообще и пророчествам в частности. Увлечение было недолгим, ибо сбываемость прогнозов оказывалась, как правило, равной нулю. Из правил бывают исключения. Так, Дж. Свифт описал спутники Марса прежде, чем их увидели в телескопы астрономы. В ходе расследования катастрофы «Титаника» выяснилось, что один литератор описал её с удивительной точностью до того, как она случилась. Ему пришлось даже давать объяснение в суде по этому поводу.

В потоке литературы советской эпохи была живая струйка так называемой «научной фантастики». Наивная часть читающей публики рассматривала ее как «литературу о будущем». Разумеется, никакого будущего она описать не могла, но отдельные направления в развитии науки, техники и общества ею улавливались и отображались. Показательны в этом отношении, в частности, «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого и «Улитка на склоне» братьев Стругацких, где прием трансформации реальности для достижения художественного эффекта доведен до высокой степени совершенства. Замечу, что «Улитка...», скромно названная авторами «повестью», по сути - один из лучших романов XX века, но его прочтение (не путайте с просто чтением) - задача не из простых. В намеченном аспекте интересен роман Станислава Лема «Возвращение со звезд». Я читал их и сравнивал два русскоязычных перевода: Е. Вайсброт и Р. Нудельман (имя героя Эл), Г. Гудимова и В. Перельман (имя героя Гэл). Первый показался мне «симпатичнее», хотя и ко второму претензий не имею.

Но сначала - немного о творчестве Лема вообще. Вместе с Гомбровичем и Мрожеком его относят к «трем богатырям» современной польской литературы. Кроме «Солярис» и «Возвращения...» он написал романы «Насморк» (любопытная интеллектуальная конструкция), «Непобедимый» (интересная, хотя несколько затянутая аллегория), сильный цикл «Рассказы о пилоте Пирксе». Своеобразным литературным памятником определенного исторического периода стало «Магелланово облако», хотя автор отрекся от него по неким идейным соображениям. Остальное, написанное Лемом, оставило меня равнодушным. И еще - что чисто субъективно - Лем, как мне кажется, злоупотребляет трагизмом. В своей первой «фэнтези»-романе «Астронавты» (так, проба пера) он «уничтожает» целую цивилизацию. Слабо мотивирован драматизм «Магелланова облака», особенно в главе «Коммунисты» и описании первого контакта с обитателями Белой планеты. Тут позиционированный как гений ученый Гообар оказывается, как русский мужик, «задним умом крепок». И при чтении «Возвращения...» подчас хочется спросить: «Не многовато ли трупов, Станислав?» А вот женские (жаль, немногие) образы у Лема - как наброски выдающегося художника: почти ничего, несколько штрихов, а впечатляют и запоминаются. Интересно: истоки изящного лиризма и перебора с трагизмом не в личной ли жизни автора?

Фабула «Возвращения...» проста. Из дальнего рейса, потеряв часть экипажей, возвращаются звездолеты «Улисс» и «Прометей». Отдохнув и осмотревшись, звездоплыватели начинают готовиться к новому полету, а самый крутой из них - Эл Брегг встречает свою любовь и остается на Земле.

Сюжет сложнее. Его главная «спайс - перчинка» (или «изюминка») в том, что для путешественников прошло 10 лет, а на Земле-157 годиков. В глубине души они надеялись, что прилетят героями, но встретившие их сотрудники специального учреждения («Адапт») говорят им, что «о вашем возвращении было краткое сообщение в реале», и приступают к рутинной работе с очередным экипажем возвращенцев. Земляне утратили интерес к межзвездным полетам. Эл Брегг с товарищами попадает в мир будущего. В описании этого мира автор полностью задействовал и богатую фантазию, и несомненный литературный дар. Поскольку роман доступен, отмечу лишь некоторые сюжетные линии и образы.

(продолжение на стр.4).

(начало на стр. 3).



Астронавты искали иную цивилизацию на других планетах, а нашли её на Земле. Её внешнее великолепие настолько поражает, что Элу уже через сутки становится «смертельно скучно». (Это психологически достоверно: есть тип мужчин, безразличных к роскоши - их тянет к простоте). От города, где жил Эл, «не осталось и камешка». Уже нет не только дверных ручек, но и хлеба, мяса, картофеля, овощей. Впрочем, новая пицца вкусна и питательна; обустроиться хорошо помогают многочисленные роботы. Короче, на Земле нечто вроде «миллениума», даже ручной лев как бы со страниц книги пророка Исайи является. Новая Родина ласково принимает Эла в свои объятия. Немного поплутав с непривычки в чем-то вроде транспортного узла, он встречается и с простушкой Наис, и проводит ночь со знаменитой Аэн Аэнис. Кое-что начинает для него проясняться.

В мире больше нет привычных для нас проблем. Можно жить ничего не делая и ежечасно меняя наряды (предвосхищенье торжества гламура?). Можно путешествовать в натуре или «мутом». Мир полон реальных благ и достоверных иллюзий. Полное спокойствие, абсолютная безопасность и бесконфликтность царят кругом. Платить ни за что, кроме раритетов и древностей, не нужно. Цена за все одна, этаким пустычок - бетризация. Это специальная обработка, которой подвергают каждого новорожденного, в результате даже мысль о возможности насилия становится для человека непереносимой. Бетризованный избегает любых конфликтов, даже любовных треугольников.

Привыкшие к обилью дольных благ,  
 На всё они спокойные взирали,  
 Что суеты рождало в их отцах,  
 Что мысли их, что страсти их, бывало,  
 Влечением всесильным увлекало.

Этими строками выдающийся русский поэт Евгений Боратынский как бы предвосхищает польского фантаста.

Но почему же великолепный текст романа полон смысловых лакун (например, что за «шестёрка» у Наис и почему она «нечисто транслирует?»), лабиринтов для рассудочного уровня мышления и постоянно порождает вопросы у пытливого читателя? Дело и в художественном материале, и в мастерстве автора. Он вплетает в сюжет воспоминания Эла и нечто вроде вставных новелл.

Печальна встреча сорокалетнего двухметрового здоровяка Эла и дряхлого старца Ремера, которому в момент старта экспедиции было семь лет. Вспомнилось из Уистена Одена (пер. С.Маршака):

Мы говорим, что убиваем время.  
 Пустое хвастовство! Приходит час-  
 И время расправляется со всеми,  
 Всех убивает нас.

Другой пожилой человек - психолог - рассказывает Элу, что в этом самом мирном из миров ежеминутно идет война... война со старостью. Применяются все известные научные методики и, конечно, косметика. Ясно, что тут человечество обречено на поражение.

Мимоходом Эл попадает на завод, где уничтожают старые и сломавшиеся роботы. Некоторые из них бессмысленно бормочут, другие просят их отремонтировать, третьи умоляют не уничтожать. Их пожирает бесстрастное пламя мартеновской печи. Нет, невозможно Царствие Божье без Самого Бога...

(продолжение на стр.5).



(начало на стр. 3-4).

Эл Брегг надумал поселиться в тихом местечке и попытаться найти свое место в новой жизни. Здесь он встречает свою любовь. Её зовут Эри. Она наподобие Кити из «Анны Карениной» Льва Толстого, пушкинскими словами чистейшей прелести чистейшей образец. Посмотрим на неё глазами нашего космического аса: «...ни прекрасных глаз, ни губ, ни волос: все самое обыкновенное. Она сама была необыкновенной». «Я наблюдал, как она протягивает руку к тарелке и радовался, словно увидел нечто дорогое, неожиданное, необычное». «Сидя напротив, я чувствовал ее улыбку, даже если она не улыбалась. Эл «не знал, любовь это или сумасшествие. Мне было все равно. Все, кроме этого чувства, для меня перестало существовать». При первом объяснении он говорит Эри: «Меня ничто не волнует. Ничто. Только ты. Я должен тебя видеть. Должен смотреть на тебя. Должен слышать твой голос. И больше ничего мне не надо. Ничего».

По образованию Эри археолог, работает над диссертацией. Она умна, чувствительна, находчива, подчас остроумна. Один из их диалогов:

- Ты даешь мне понять, что, считая тебя идиоткой, я сам выгляжу идиотом?

Она улыбнулась:

- Вы очень точно это определили!

Их сближение осложнено естественными опасениями Эри (небетризован; не то ему сорок лет, не то за полтора ста) и двумя нервными срывами Эла. Он дошел до того, что «боялся погибнуть на этом месте, потому что решил покончить с собой где-то в другом». Первый раз его спасает друг Олаф, второй раз - сама Эри, ответившая на чувства Эла. Почему Лем пренебрег богатейшим психологическим материалом и предпочел бить на внешний эффект - неясно; в том, что такой человек, как Эл, способен зарезаться даже из-за прекрасной дамы, верится плохо. Тут автор явно недоработал. Ну а Эл и Эри вместе, они счастливы. Космический герой Эл Брегг вместе со всем человечеством вернулся со звезд и понял, что надо быть «самым обыкновенным человеком». Но вспомним: его товарищи готовят новый полет. Хороший мир: хочешь - дома сиди, хочешь - по Галактике лети. Жаль, что это только сказка.

Кое-что из того, что нас в натуре ждёт, давно предсказано. Подробности и сроки никому из людей неизвестны. Лему удалось предугадать охлаждение человечества к космонавтике (для шестидесятых годов, времени «лунной гонки» - смело). Провидел он и гламур во всей его сомнительной красе (платья с мигающими глазами и раскрашенные ноздри дам). Предвосхитил он и появление электронных книг («оптоны» и «лектоны» в тексте). Главное и точное его пророчество - спецобработка людей. Она идет полным ходом, правда, не «бетризацией», а другими способами и в другом направлении.

Предложу такой вывод: основное содержание романа и его изумительный финал явно перевешивают отдельные недостатки.

Под занавес – о главном. Эл Брегг попадает в чуждый ему мир и спасается любовью. В романе Лема любовь побеждает и пространство, и время.

И космонавтику.

Истинно сказано: «Любовь никогда не иссякнет, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор.13:8).



Михаил Никоноров,  
г. Андреаполь

• **Новые стихи**  
*Маргарита Петрова*



\* \* \*

Я с осенней травы собираю  
свой мёд,  
И не шурьтесь блаженно, как  
мартовский кот.

Мне повадки такие известны вполне.  
Этот мёд не для вас,  
Пейте, сударь, свой квас  
И плескайтесь бездумно в случайной волне.

А меня научили крутые ветра  
Верить в «завтра», но помнить уроки «вчера».  
Я с осенней травы собираю свой мёд,  
Нынче короток день,  
Зря бросаете тень,  
Точно выверен мой предзакатный полёт.

\* \* \*

Сюжет давно ему знаком:  
Вагон, подножка, взмах прощальный,  
И лижет ветер привокзальный  
Наждачным жёстким языком.

В один конец сюда билет.  
Тех, кто остался иль приехал,  
Вокзал встречает гулким эхом,  
И быстро гасят в зале свет.

И он когда-то здесь сходил.  
К вокзалу тянет. На скамейке  
Сидит, дымок пуская змейкой,  
Билет бы взять, да нету сил.

Глубинки тягостен удел.  
Теперь ему финал не важен,  
Ведь он давно уже погашен,  
А тоже многого хотел.

\* \* \*

Когда же снег пойдёт? Устал  
От серых красок городишко.  
В туман, как в ветхое пальтишко,  
Укутавшись, дремал вокзал.

Сквозь зыбкую завесу сна  
Он помнил суету перронов  
В весёлом постуке вагонном,  
Иные помнил времена.

Вокзалу чудилось: мело,  
И в город, ставший белым-белым,  
Влетал состав, большой и смелый,  
Струя из глаз своих тепло.

Но всё застыло. Снега нет.  
А поезд лишь из двух вагонов  
Вползает тихо, и с перрона  
Тревожно-тусклый виден свет.

И путники под стать ему,  
Бросают заспанные взгляды,  
Как будто никуда не надо.  
А время лишь сгущает тьму.

\* \* \*

Я рыжему вихрастому мальчишке,  
Поклоннику из давних детских лет,  
Сегодня б поклонилась низко-низко,  
Да жаль, его на свете больше нет.

Невольно перестанет быть такую  
Девчонка-нескладёшка, егоза,  
Когда её поднимут над толпою  
Восторженно глядящие глаза.

Но королевы о пажах не помнят,  
Уверенно просторы бороздят.  
Мальчишка рыжий, преданный поклонник,  
Вернуть бы твой боготворящий взгляд.

\* \* \*

Мелкотемье, мелколесье,  
птичий клёкот в поднебесье  
о невыплаканной доле,  
о несбывшейся судьбе.  
И никто не приневолил  
о предательстве и боли  
вспоминать, но ветер в поле  
снова плачет о тебе.

\* \* \*

Три письма такие разные:  
от презренья – до любви.  
Мне б свою победу праздновать...  
Опоздал ты. Не зови.

Отболело. В час забвения  
реквием поёт зима.  
От восторгов до прозрения  
расстоянье – в три письма.



Геннадий Матвеев

# Клюковка

## БЫЛЬ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Лето 2011 года выдалось хорошим. Не было такой ужасной жары. В том году особенно хорошо уродилась клюква, наш «северный» виноград. Сотни жителей

устремились в леса и болота. Я не был исключением. В половине пятого утра 19 сентября по звонку будильника вскочил с кровати, сложил в рюкзак всё необходимое и поспешил на автобус.

Автобус был полностью забит ягодниками. Пассажиры оживлённо обсуждали, каков нынче урожай клюквы и где лучше выйти с большака (таково местное название грунтовой дороги). Я увидел двух знакомых женщин – Валю и Лену. Обе они настоящие профессионалы по сбору ягод, хорошо знающие ягодные места. Договорился, что буду на болотах держаться недалеко от них.

Вся наша небольшая компания разбрелась по болоту на расстояние 200-300 метров. Клюквы было порядочно. Хотя сборщик из меня неважный – намного больше люблю собирать грибы, но всё-таки работа спорилась. Собрав один, второй, третий бидончик, решил отдохнуть и перекусить. Вдали видел пригнувшиеся фигурки моих попутчиц. Пошёл дальше по краю болота к лесу, клюквы было много.

Всё! Очередной бидончик в рюкзак не помещался. На часах уже три, пора идти к своим попутчицам. Выбрался из кустарника. На открытом болоте всматриваюсь и ... никого не вижу. Как можно быстрее зашагал на восток. Мне казалось, что именно на восточной кромке леса найду привязанную к дереву бутылку, указывающую выход из болота. Снова и снова оглядываюсь вокруг, кричу – никого!

Наконец вижу подвешенный на сук пятнистый бушлат, а метрах в тридцати от него мужчину, собирающего клюкву!

- Вы на автобусе приехали? – бросаюсь к нему.
- Нет, я на своей машине.
- Вы знаете, я отстал от своих попутчиц, не подбросите ли меня до Андреаполя?
- Нет, я ещё около часа пособираю, а вы успеете на автобус, большак недалеко, а если не успеете, я вас подвезу, моя машина стоит на обочине.

И вот тут я совершаю первую грубейшую ошибку. Вместо того, чтобы отбросить неловкость и подождать, пока он наберёт клюквы, я решил самостоятельно идти в указанном им направлении на автобус. Старался идти быстрее. Началась опавшая густая листва, следы исчезли. Запутался в зарослях и вдруг понял, что к автобусу мне не выйти! Надо быстрее вернуться к болоту и просить товарища меня подвезти. Минут через 30 вышел будто на то же место. Кричу: «Эгей, эге...гей!» Никто не отзывается. Понял, если буду продолжать искать выход, потеряю время. Я не только его не найду, но и не смогу до наступления темноты подготовиться к ночлегу, а уже ясно, что ночевать придётся.

Когда-то в 14-15 летнем возрасте мы с друзьями в послевоенные годы ходили в походы и на рыбалку с ночёвками. Палаток никаких в ту пору у нас не было, но мы знали, что надо взять с собой, научились, где и как приготовить постель в лесу, разжечь костёр и т. д. Этот опыт пригодился мне сейчас, как никогда. Ночевать на болоте не будешь, только в лесу! Зашёл в глубь леса метров на двести от болота. Подумал: «Сегодня понедельник, следующий автобус на Жукопу только в среду. Но, возможно, завтра приедут ягодники на своих машинах и я кого-нибудь из них встречу. А нет – так в течение дня выйду на большак!»

Нашёл в лесу место посуше, огляделся. После ураганных ветров в лесах было много поваленных деревьев, обломанных ветвей, валежников. Нашёл поваленные ветром молодые ели, зелёные ветви их легко ломались. Уложил их поперёк ствола упавшей сосны в три слоя, накрыл полиэтиленовой плёнкой, которая была с собой. Прилёт, сосна прижалась к земле, но до неё не доставала. Получилась замечательная пружинящая постель!

(продолжение на стр.8).

(начало на стр. 7).

В сырой одежде в холодную ночь спать недопустимо – возможно, под утро будет ещё и лёгкий заморозок. Костёр разжёт быстро. Особенно хорошо разгорались сухие еловые ветви-иглы. У костра одежда и сапоги высохли в течение часа. Переоделся и переобулся в сухое. Положил рюкзак под голову и улёгся спать. Видимо от сильной усталости уснул почти сразу. Вдруг ночью откуда-то издали послышался и быстро пропал глухой рокот мотоцикла. Так вот же он большак! Ведь недалеко же! Завтра, когда рассветёт, встану и буду выходить на северо-восток, на дорогу.

### ДЕНЬ ВТОРОЙ

Проснулся от холода, рассветало. Всё тело ломало, встал, размялся. Затем раздул костёр, согрелся. Очень хотелось пить, съел несколько горстей клюквы. Заложил костер сырым мхом, им же протёр шею и лицо. Пovyтаскивал из волос лосиных клещей. Надел за спину рюкзак с клюквой и зашагал на северо-восток сквозь буреломы к большаку, как мне казалось. Пытался включить мобильник, но экран погас.

Шёл долго, часа два-три. Глухой лес. В одном месте, в низине, из-под листьев торчали многочисленные шляпки белых груздей. Сорвал парочку – крепкие, идеально чистые! Но какие сейчас грибы? Проплутав изрядно по лесам и валежникам, так и не найдя выхода, подумал, что надо идти обратно к болотам – там большая вероятность встретить кого-нибудь из ягодников. Приближался вечер. Опять придётся ночевать в лесу...

### ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Проснулся под утро. Температура воздуха была, по-моему, не более трёх-четырёх градусов. Несомненно, мне пока везло хотя бы в том, что не было дождей, иначе бы моё положение сильно ухудшилось. Поел клюквы. Почувствовал, что весь рот словно обожжён кипятком! Особенно болезненным был язык. Глотать клюкву почти невозможно. В кармане куртки нашёл старый сухарик. Попытался разжевать и проглотить кусочек, но не смог из-за густой слюны и сильного жжения во рту. На кончике языка как будто появились мелкие, остро болящие язвочки. Вот что такое питаться одной клюквой!

Раздул костёр, согрелся. Странно, но чувства голода не было, нестерпимо мучила жажда. Пока ещё сохранились силы, надо искать выход к дороге. Неожиданно путь преградил быстротекущий лесной ручей, скорее даже речушка, шириной метра три, с тёмной коричневой водой. Увидел недалеко упавшую поперек ручья тонкоствольную берёзу. Осторожно ступая, пошёл по стволу. За спиной тяжёлый рюкзак, в левой руке бидончик, в правой посох. Дошёл, покачиваясь до середины, и вдруг левая нога соскальзывает с сырого ствола, и я ухаюсь по пояс в воду! Быстро выкарабкиваюсь из ручья на мокрый заросший берег.

Впервые за трое суток появилось тревожное чувство какой-то безысходности! Но я его сразу отбросил, паника – это прямой путь к самому плохому. Надо быстрее возвращаться к лесу с сухой почвой! Кое-как вылил воду из сапог и пошёл назад. Ходил по следам, они петляли, подступали к лесу и в лесу терялись. Усталость одолевала меня. Всё чаще высматривал упавшее дерево, садился на него, отдыхал, вернее, дремал. Во время отдыха вдруг ощутил приступ сердечной аритмии! Только этого мне не хватало! Положение становилось опасным! Сунул под язык нужную таблетку (они у меня всегда с собой), и аритмия, слава Богу, прошла. Я раскрыл рюкзак и без колебаний высыпал всю клюкву. Это надо было сделать раньше, сил бы сохранилось больше. И опять ночлег в лесу. Снова повторение пройденного – сбор дров, подготовка костра и спального места, просушка одежды и сапог.

Оделся и обулся в сухое. Аккуратно зачерпнул из полуметровой глубины лужи с тёмно-коричневой водой, расположенной у корней упавшей ели, с половину бидончика (до сих пор я этого побаивался, опасаясь инфекции), хорошо прокипятил и подавил в кипяток горсть клюквы. После того, как мой темно-коричневый «чай» поостыл, не отрываясь от бидончика, выпил. На дне остался сантиметровой тёмный осадок. Сразу почувствовал облегчение!

(продолжение на стр.9).



(начало на стр. 7-8).

### ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Ощутил боль в правой ноге. Присел на упавшее дерево отдохнуть, снял сапог – на подъёме кожа стёрта и вокруг раны покраснела. Что делать? Хорошо бы приложить листья подорожника, но где его взять? Поднял носок и, обернув ногу штаниной, обул сапог и пошёл дальше.

И снова ночлег в лесу. В голову полезли мрачные мысли: «Блужу уже четверо суток по этим глухomanям, а выхода найти никак не могу! Что за напасть такая? Приближается день рождения моей безвременно ушедшей жены Лены, неужели это она зовёт меня к себе?» Заснул, но вскоре проснулся – застучали редкие крупные капли дождя, затем разразился настоящий ливень. Подул сильный ветер. Как мог, попытался укрыться своей плёнкой, но плечи и колени всё-таки намокли. К счастью, через полчаса он прекратился. Ветер стих. Лежал и думал, что же делать дальше? Понемногу начало обсыхать всё намокшее. Задремал снова, но было холодно. Просыпался и опять засыпал. Но что это?! Откуда-то издалека в ночной тиши раздались еле слышные звуки проходящего поезда! Так вот куда меня занесло! До железной дороги, наверное, километров восемьдесят. Единственное спасение для меня – выйти к железной дороге, которая от Андреаполя идёт на северо-восток. Появилась надежда.



### ДЕНЬ ПЯТЫЙ

То, что произошло со мной дальше, иначе, как чудом назвать невозможно! Я, человек, глубоко почитающий нашу православную веру, но не знающий даже «Отче наш», взмолился: «Господи! Помоги мне сегодня хоть куда-нибудь выйти из этих болот!» Прошло не более двух-трёх минут, как в промежутке между туч появился и тут же скрылся краешек солнца! Этого было достаточно, чтобы определить, где восток и северо-западное направление! Залил водой костёр, надел на плечи рюкзак и, намечая маршрут от дерева к дереву и дальше, двинулся в путь...

Идти трудно, постоянно приходится продирааться сквозь завалы. Штаны на коленях изорваны. Перелезая через очередное поваленное дерево, едва не наступил на свернувшуюся возле пня гадюку, которая быстро уползла под корень. Но я шёл напролом, не обращая уже ни на что внимания. Направление менять нельзя, надо следовать намеченному маршруту! Кочки – вода, кочки – вода... Продираясь дальше сквозь заросли по мочлявине, вышел в густой лес с сухой почвой. Идти стало легче. Смешанный лес перешёл в олешник. Но ведь ольха в основном растёт по краям лесов, возле дорог! Стал быстрее продирааться сквозь заросли, ольха, ольха... И тут из олешника я вдруг выскакиваю на небольшую, шириной метра четыре, лесную дорожку!!! На дорожке слабые отпечатки шин то ли от мотоцикла, то ли от легкового автомобиля! Дорогой читатель, не могу описать ту радость, которая нахлынула на меня! Я понял, что спасён! Господь спас меня! Спасибо тебе, Господи! Слёзы радости потекли по щекам...

На часах одиннадцать. Теперь надо решить, куда идти, направо или налево? Решил, что более соответствует выбранному маршруту – идти налево. Сил прибавилось! Пошёл быстрее, опираясь на посох. Шёл, не отдыхая, ведь должна же дорожка выйти либо к большаку, либо к железной дороге, или в какую-нибудь деревню! Через полчаса увидел на столбике жёлтую табличку с надписью: «Охота запрещена!» Наверное, уже и выход недалеко! Однако шёл, шёл, а его всё не было. И тут вижу – дальше на дорожке стоит старенький «жигулёнок»! Быстро подхожу к машине... Дверки закрыты, боковые тонированные стёкла. Громко кричу – тишина. Заглянул в лобовое стекло. На полу в кабине гайки, болтики, гаечные ключи... Неужели машина неисправна?! Где владелец?! Всё! Отсюда уже никуда не уйду, сколько бы ни пришлось ждать!

Приближался вечер. Сел на найденные доски, подперев голову руками, и заснул. Вдруг, как током ударило: «А ты чё тут делаешь?!» Мгновенно вскочил – передо мною стоял кавказец, лет пятидесяти, с большим мешком на плечах!

- Послушай, друг! Я блужу по этим лесам уже пятые сутки! Ты единственный человек, который мне встретился за всё это время! Как тебя зовут?

(продолжение на стр.10).

(начало на стр.7-9).

- Давид, - ответил кавказец, - а ты чё такой старый в такие глухие места ходишь?

Давид открыл дверку машины, достал двухлитровую пластмассовую бутылку с каким-то напитком:

- Пей всё! Мне не оставляй. Я знаю, что ты пить хочешь. Сам не раз блудил в этих болотах, но ночевать не приходилось.

Разговорились.

- Если бы ты, - сказал Давид, - выйдя на дорожку, пошёл направо, то примерно через пятнадцать километров вышел бы в Минькино, а, пойдя дальше налево, упёрся бы в тупик! От Валовой, где останавливается автобус, ты прошёл километров двадцать по лесам и болотам, а может быть и больше!

- Ничего себе! А сколько я ещё кружил!

Мы сели в машину и поехали в обратную сторону. Давид рассказал, что у него в Минькине «фазенда» - дом, оставшийся от родителей жены, что он азербайджанец, а жена у него русская. Он вызвался подвезти меня до Лугов, но, узнав, что у меня нет с собой денег и разряжен телефон, согласился доставить в Андреаполь.

Остановились у крыльца моего дома. Зашли в квартиру. От рюмки водки и кофе Давид отказался – «За рулём ни-ни!» - и очень спешил обратно.

- Будешь в Андреаполе, заходи, всегда рад тебе!

Попрощались, и он поспешил к машине. Вот уж, воистину, как раньше нас учили, все народы должны быть братьями!

Зарядил мобильник и сразу позвонил в Санкт-Петербург дочери Марии и сыну Александру в Москву. Предполагал, что они мне звонили неоднократно, а я не отвечал. Так и было. Кратко рассказал им о произошедшем, просил не волноваться, ведь всё худшее позади.

Принял ванну, перестирал всю одежду, изорванные брюки – в мусорку. И завалился спать.

Вот так, слава Богу, закончилось моё путешествие за клюквой!

(Текст дан в сокращении.)



## • Обратная связь

Это письмо мы получили от нашего земляка Юрия Смирнова из Торжка, где он сейчас проживает. Родился он в деревне Чернушка вблизи Любино. Он прислал нам свои стихи и часть дневниковых записей, с которыми мы познакомим вас в ближайших номерах «Светлячка».

*Спасибо за газету. "Светлячок" - это удача. Не всё равнозначно. Но это не минус - каждый найдёт своё. Особенное спасибо за стихи Юринова и Маргариты Петровой - это настоящее, это не "местная" (слово, которое ничего не определяет и которое в отношении поэзии я не люблю) поэзия. Это - поэзия. И - настоящая. Много удачного в прозе. Шикарно разнообразие рубрик: культура не может быть монотонной.*

*В свою очередь, - время от времени - кроме стихов могу пересылать странички своего дневника, который - с перерывами - веду с конца семидесятых (и очень редко - сейчас); там всё: и размышления о книгах, и встречи, и что-то из мистики (для себя: ха-ха!), и чёрте что ещё. Это ещё нигде не печаталось и, вероятно, может быть интересно. С некоторыми купюрами - внутренняя цензура! - мог бы вам предложить. А там - что отберёте. На ваш суд.*

*С уважением Юра.*

*Интернета у меня нет, поэтому газету «Светлячок» читаю не каждый номер, но те номера, которые оказываются в моих руках, всегда нравятся. Недавно прочла газету, вышедшую в октябре. Интересно было познакомиться с творчеством Салуниной (Тумановой) и статьёй о ней. Понравился материал Разживина «Такие они, старики наши». Всё в нём – правда.*

*Но особенно тронул рассказ Валентина Пажетнова о волке – «Одинец». Перечитала его раза три. Вообще люблю читать о животных, нам, людям, часто есть чему у них поучиться. Но этот рассказ о состарившемся волке, которого изгнали из стаи сородичи, никого не может оставить равнодушным. Какие жёсткие у них правила, не зря говорят: волчьи законы. Страшно.*

**Г.И. Соколова,  
г.Андреаполь.**

НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...».

## Опутанный сетью



Вот сижу я у окна одной из социальных сетей, всклокоченный, с красными, припухшими и слезящимися глазами... Простым нажатием клавиши одна страница сменяет другую...☺

Мне 7 лет. Сбылась моя самая заветная мечта – родители купили столь желанный компьютер. В общем, жизнь удалась и теперь, наконец-то, я смогу по-настоящему, как современный и продвинутый во всех смыслах человек, общаться со своими друзьями, обмениваться с ними фотографиями, впечатлениями от прослушанного музыкального трека, фильма или компьютерной игры. Удивляюсь, как это наши родители раньше обходились без этих чудес техники!?

Но время неумолимо бежит. Вот уже второй десяток разменял – мне 14 лет!!! По-прежнему часами просиживаю за монитором компьютера, лишь изредка отвлекаясь на довольно скучные занятия: выполнение домашних заданий по школьным предметам, обязанностей по дому и прочей ерунды. Всё меньше меня интересует то, что происходит за настоящим окном моей квартиры, на улице, во дворе, с друзьями «в живую» почти не общаюсь, к девчонкам на свидания не бегаю. Вся моя жизнь, подобно потоку информации, переносится туда, в глобальную сеть «Интернет».

Мне 18 лет. Скрепя сердце, пережил Последний звонок и Выпускной бал – скука смертная, скажу я вам. В армию меня не взяли – многочасовые посиделки за компьютером не могли не сказаться на моём здоровье: ухудшилось зрение, возникли проблемы со спиной, поэтому пришлось поступать в университет. С горем пополам, но вступительные экзамены сдал - я теперь студент и снова сижу за столь ненавистой за долгие годы скамьёй (правда, теперь студенческой). Разбавил свои визиты в Интернет поиском рефератов, контрольных работ и курсовиков.

В 23 года закончил университет, устроился на работу, получаю копейки, снимаю квартиру. Всё свободное время провожу у монитора, окна какой-то социальной сети. Какой? Мне уже не важно. Просто сижу и кликаю мышкой по разным ссылкам, захожу на страницы так называемых друзей, читаю их бредовые статусы, рецепты и прочую ерунду. Уже рад завязать с этой виртуальной жизнью, но не могу – другой жизни у меня просто нет.

Мне 40 лет. Семьи нет, жены нет, детей нет. По-прежнему работаю на том же месте, что и 20 лет назад, и получаю те же копейки, правда, увеличенные на сумму роста инфляции. А социальная сеть также манит, зачаровывает, ведь там можно быть кем угодно, примерить на себе разные маски, скрыть все свои пороки, недостатки; там нет никаких обязательств – там есть только свобода, мнимая свобода...

Но вдруг гаснет свет, и ты с ужасом понимаешь, что все годы, проведённые на этой Земле, у монитора компьютера, ты прожил бесцельно, бесполезно не только для себя, но и для окружающих тебя людей. Настоящая, полноценная жизнь прошла стороной, оставив после себя только горький след воспоминаний, несбывшихся надежд и мечтаний, не претворённых в жизнь по собственной глупости.

**Александр Белов,**  
пгт. Жарковский Жарковского района





НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...».

## **Та самая история**

Вот сижу я у окна. Обычный рейсовый автобус. Обычный рабочий занудный день. Часто в дороге задумываешься о чем-то важном, более высоком, чем вся мирская суета, глядя в окно на бегущие деревья, поля или дома и авто. Ты сидишь, не слыша ничего вокруг, и мысли летят далеко-далеко, и так спокойно становится. Казалось бы, в этом автобусе я езжу каждый божий день на работу и домой, и все как обычно, занудно и уныло. Но этот день мне показался каким-то необычным, другим.

Такое лазурное небо. Вечернее солнце выглядывает из-за домов. Его лучики тянутся сквозь почти голые ветви деревьев. Кое-где, по краям дороги, стелятся золотые коврики из кленовых, березовых, липовых листьев. Едешь в автобусе, а откуда-то сверху падают золотые листочки, и создается ощущение полета. А в нашем парке какая красота! Природа затихла и как-будто ждет чего-то. И немного навевает прощальную грусть небывалая вечерняя тишина в таком маленьком городке, как наш.

Я почти задремал, как вдруг услышал, что где-то жалобно скулит собака. Может, мне это почудилось? И снова я слышу это. Я начал оглядывать автобус. Наконец, увидел причину моего беспокойства. В самом конце автобуса сидела собака. Это была обычная, непородистая, серо-белая дворняжка, привязанная к стойке. Поводок был настолько коротким, что бедняжка не могла даже прилечь. Я ужаснулся. Повернувшись обратно, я уставился в окно. Между тем, жалобное скуление собаки почти перешло на вой. В автобусе прокатилась волна возмущения. Вдруг я услышал вежливый женский голосок:

-Извините, пожалуйста! Мужчина, успокойте свою собаку!

Я снова обернулся. Полная женщина в шикарном сером пальто, черных бархатных перчатках, с шарфиком на шее, обращалась к читающему газету мужчине в шляпе и очках, рядом с которым сидела та бедная собака.

-Это просто возмутительно! – повторила женщина.

-Хм. Это вы ко мне обращаетесь? - спросил мужчина, оторвавшись от газеты.

- А к кому же еще? - ответила вопросом на вопрос женщина.

- Вы ошибаетесь. Это не моя собака, - строго произнес мужчина и снова окунулся в газету.

Во втором ряду, напротив этого мужчины, сидела молодая мама с пятилетним ребенком на коленях.

- Мама, может собачка хочет есть?- спросил мальчик.

Мама дала мальчику кусочек булки и что-то шепнула на ушко. Мальчик с улыбкой протянул собаке кусочек булки, но она отвернулась и перестала скулить. Тогда малыш дотянулся и погладил собаку по голове. Она потянулась навстречу, на сколько могла, снова заскулила пуще прежнего, но потом резко замолчала.

И тут я увидел ее глаза: темные бусинки, в которых отражались страдание, тоска и боль. О, ужас! Собака заплакала! Никогда не пожелаю вам видеть такое душераздирающее зрелище! Но страшнее всего было то, что никто не подошел к собаке, и даже никто не посмотрел в ее сторону, кроме женщины и малыша. Маленькие прозрачные капельки побежали по мордочке животного. Детская ручка потянулась вытирать эти слезы.

- Мама, собачка не хочет булочки, она плачет, - тихо сказал мальчик и отдал матери хлеб.

- Милый, то, что хочет собачка, к сожалению, мы дать ей не сможем, - тяжело вздохнув, сказала мать и погладила собаку по голове.

Я уже было решил подойти к собаке. Мне хотелось, отвязав этот чёртов поводок, заключить бедняжку в объятия, но тут автобус резко остановился.

- Куда лезешь, сумасшедший? Тебе что, жить надоело?! - закричал вдруг наш водитель.

Двери автоматически открылись, влетел запыхавшийся юноша с дорожной сумкой в руке.

- Извините! Вы не видели тут собаку? - торопливо произнес юноша.

Никто и не успел толком ему ответить, как он закричал: «Грей!»

(продолжение на стр.13).

(начало на стр.12).

Услышав родной голос, пес, тот самый, привязанный к стойке, залаял, заскулил, заметался. Юноша подбежал к нему, начал гладить, обнимать, отвязал поводок.

- Я так торопился на поезд, что забыл о тебе! Прости, Грей! - оправдывался юноша. - Я искал этот автобус! Как я мог не искать тебя, верного друга! Прости!

В ответ пес начал лизать хозяину лицо и руки.

- Ну и что, что я опоздал на поезд, он ведь не последний. Ты для меня дороже даже университета!

С этими словами юноша вышел из автобуса, но теперь уже не один. Рядом с ним, на поводке, шел его верный друг – Грей. Пассажиры провожали их восхищенными взглядами.

Ой, это же моя остановка, я здесь выхожу. Да, этот день был поистине необычным. Настолько необычным, что запомнится мне надолго.

«У твоего друга очень добрый взгляд!»-  
Часто мне прохожие с улыбкой говорят.  
А он поднимет уши  
И хвостиком вильнет,  
Словно глянет в душу,  
Руку мне лизнет.  
А я его поглажу ласково рукой,  
Шепну ему тихонько:  
«Дружок веселый мой!»

Анна Бигарь, 15 лет,  
п. Бологово

## За окнами осень...

Всё чаще хмурится небо и моросит дождь, отбивая барабанную дробь по крышам домов. Осень...

Будто и не было лета. Деревья стоят в разноцветном наряде. Листья стали жёлтыми, оранжевыми, красными... Вот несколько листков оторвалось от ветки, сиротливо покружили в воздухе и опустились на землю. Эти листья повсюду – на крышах домов и на тротуарах. А облака в небе такие пушистые-пушистые, как вот тот котёнок, сидящий на краю крыши соседского сарая, лениво оглядывающийся по сторонам и греющийся на солнце.

Переводя взгляд на клумбы, с грустью отмечаю, что всё стремительнее увядают цветы. Откуда-то внезапно появившийся ветер безжалостно треплет бутоны бархатцев и кое-где ещё цветущих роз. И до боли в сердце становится жаль эти беззащитные растения:

Откуда-то ветер вдруг взялся:  
шумит, хулиганит в саду.  
С размаху на клумбу ворвался  
цветы поломал на ходу...  
Устроил сплошной беспорядок,  
взъерошил песок и траву,  
грозою промчался вдоль грядок,  
взлохматил деревьев листву.  
Тоска по загубленной клумбе  
свербит, а на сердце печаль:  
«Какой нехороший ты, ветер,  
цветов тех, наверно, не жаль!»  
И ветер как будто услышал  
обиду мою и тоску:  
промчался по крыше на доме  
и спрятался где-то в лесу.

Больше всего я люблю смотреть в окно в часы заката, когда в домах загорается свет, и окошки сияют разноцветными красками, как листья на деревьях. Над полем поднимается седой туман и, кажется, готов окутать всё вокруг и расстелиться у моих ног.

Природа засыпает вместе с последними гаснущими огоньками в домах. Лес совсем тихо шелестит оставшейся листвой. Уже уснула вся округа, вот и луна уже на небе взошла. Наступает ночь. Кругом тишина, лишь изредка слышен звук проезжающих машин да где-то вдалеке испуганный лай собаки.

Вот и закончился ещё один день.

Лидия Подгорных,  
г. Андреаполь



• Пошла писать губерния



*Александр Павлов*

г. Андреаполь

Давай с тобой присядем на дорожку,  
В глаза друг другу молча поглядим.  
До поезда уже совсем немножко,  
Давай с тобою просто помолчим.

Не надо слез, вот это уже лишне,  
Не надо меня в щеки целовать.  
А терпкий вкус той недоспелой вишни  
Я буду еще долго вспоминать.

Но только вишня та уже созрела,  
Давно опали спелые плоды.  
Лишь в памяти порой, и то несмело,  
Я вижу ее белые цветы.

Ну вот и все. Ты слышишь, объявили:  
На третий путь поставили состав.  
Я не хочу, что б мы себя винули,  
И ты права, и я, конечно, прав.

Вагон напротив. Я пошел. Простились.  
Ты вслед меня легко перекрести.  
Ну что поделать, если не сложилось.  
Прошу, меня, пожалуйста, прости.

*Марина Серебрянникова*

д. Аксёново

Ты работала, годы трудилась.  
Ты и дня отдохнуть не могла,  
Ты и Богу, и черту молилась  
И для Бога, и чёрта – одна.

Ты в войну запрягалась в телегу –  
На себе ты победу несла ....  
И горбушкою чёрствого хлеба  
Ты от смерти детей сберегла.

Голова сединой покрывалась  
И морщины легли на лицо,  
А на сердце тоска и усталость,  
Но об этом не знает никто.

Ты не знала ни страха, ни скуки,  
Как забыть мы всё это могли?  
За твои неустанные руки  
Поклониться хотим до земли.

*Надежда Виноградова*

д. Скудино

Боль ... тягучая и тупая.  
Нервы натянуты, как струна  
Ну, за что же мука такая?  
А может не мука вовсе?  
Может счастье судьба дала?  
Счастье ... Куда уж больше ....  
Слёзы в подушку, украдкой взгляд.  
И рукою нельзя коснуться.  
Слово вымолвить - губы дрожат.  
Сердце разуму неподвластно –  
Чувство безумное правит бал –  
Смесь любви, безнадёги, отчаянья  
И какой же чудак это счастьем  
назвал?

А может оно таким и бывает?  
Может это свыше дано?  
И пусть слёзы в подушку!  
Пусть взгляд украдкой!  
Пусть с привкусом горечи, но моё!

*Иван Химченков*

4 класс, школа №2

Война двенадцатого года  
Была трагедией народа.  
С Наполеоном он сражался,  
За землю русскую держался,  
Чтобы её не потерять,  
Свою свободу отстоять.  
Прошло с тех пор уж двести лет –  
Не знаем от французов бед.

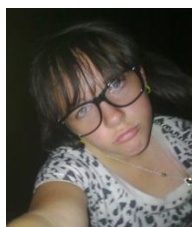
*Алексей Губернев*

4 класс, школа № 1

У каждой Родины свои народы,  
У каждого есть Родина одна.  
И пусть несутся каруселью годы  
Куда-то там к истокам бытия.

У каждой Родины свои герои,  
Они, порой забытые в веках,  
Стоят на страже в небесах  
И сторожат всей Родины покой.

Два последние стихотворения ребята прислали на конкурс «Несу в душе свою Родину», с которым мы познакомим читателей в следующих номерах.



Дина Гончар



Елена Мирова



Наталья Ушакова



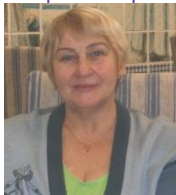
Ангелина Демьянова



Нина Шандаевская



Игорь Столяров



Татьяна Гнидина

## ПРОЩАЙ, ОКНО

Целый год, из месяца в месяц, вы открывали нашу газету и обязательно находили под рубрикой *«Вот сижу я у окна...»* рассказ, присланный кем-нибудь из конкурсантов. Верим, что вас не оставили равнодушными искренние истории, написанные непрофессиональной рукой, но подмеченные чутким сердцем. И вот конкурс завершён. 16 человек приняли в нём участие. С этой странички на вас смотрят авторы, и мы ещё раз напоминаем вам имена и названия работ. Взгляните на них и предложите то имя, чьё творчество пришлось вам особенно по душе. Сейчас свою работу начинает жюри. Ваши отзывы могут ему помочь. Результаты конкурса окончательно будут подведены в декабре.

### Работы, представленные на конкурс короткого рассказа:

- «Дед Пихто»*, Дина Гончар, 11 лет, г. Лондон (ноябрь 2011 г.)  
*«У окна – как у холста»*, Елена Мирова, г. Андреаполь (декабрь 2011 г.)  
*«Двое»*, Наталья Ушакова, г. Андреаполь (январь 2012 г.)  
*«Кузькины истории»*, Ангелина Демьянова, г. Андреаполь (январь 2012 г.)  
*«Блины с морошковым вареньем»*, Нина Шандаевская, г. Андреаполь (февраль 2012 г.)  
*«Окно»*, Игорь Столяров, г. Нелидово (март 2012 г.)  
*«Её величество Жизнь»*, Татьяна Гнидина, г. Старица (апрель 2012 г.)  
*«Будто было не со мной»*, Александр Павлов, г. Андреаполь (май 2012 г.)  
*«Ведущие кости»*, Анатолий Васильев, г. Торжок (июнь 2012 г.)  
*«Сероглаз был высокий мальчик»*, Крискентия Алексеева, 16 лет, д. Луги (июль 2012 г.)  
*«Мозаика памяти»*, Наталья Венкова, г. Нелидово (сентябрь 2012 г.)  
*«Мой друг олигарх»*, Яков Мирон, г. Андреаполь (октябрь 2012 г.)  
*«Пусть всегда будет солнце»*, Валерий Разживин, д. Торопацы (октябрь 2012 г.)  
*«За окном осень»*, Лидия Подгорных, г. Андреаполь (ноябрь 2012 г.)  
*«Та самая история»*, Анна Бигарь, 15 лет, п. Бологово (ноябрь 2012 г.)  
*«Опутанный сетью»*, Александр Белов, п. Жарковский (ноябрь 2012 г.)

### Состав жюри:

- Наталья Белякова* (директор ЦБС);  
*Владимир Марков* (член литературного клуба «Светлячок», филолог);  
*Михаил Никоноров* (член литературного клуба «Светлячок», автор многих публикаций стихов и прозы);  
*Мargarита Петрова* (председатель литературного клуба «Светлячок», член союза журналистов, филолог);  
*Александра Хребтова* (член литературного клуба «Светлячок», преподаватель русского языка и литературы);  
*Владимир Юринов* (член литературного клуба «Светлячок», член Тверского содружества писателей).



Анна Бигарь



Александр Белов



Александр Павлов



Анатолий Васильев

Крискентия  
Алексеева

Наталья Венкова



Яков Мирон



Валерий Разживин



Лидия Подгорных

• Улыбнись  
Игорь Акулов

п. Пено  
ЖАЛОБА ПЕГАСА



Опять полно пиитов на  
Парнасе,  
Пегасам негде травки  
пощипать.

Вчера вакханки в разудалом плясе  
Всю вытоптали. Вот напасть!

Еще и музы. Все им не сидится,  
Нектару хлопнут и к поэтам на всю ночь,  
А те и рады, как же, вдохновиться –  
И ну марать бумагу во всю мочь.

И ладно бы резвились меж собою.  
Нет, подавай Пегаса им – хотят летать.  
И зреют в нас, конях, стихи, не скрою,  
Но рифмы почему-то все на «мать».

Того неси в астралы, этот в баню  
Под пиво вдохновение ловить,  
А этому бумаги не достало,  
Чуть-чуть, с полтонны,  
чтоб нетленку дотворить.

Потом собрать всех надо на Парнасе,  
Чтоб обеспечить каждому респект.  
Сидят, гитары мучат, что-то квасят,  
Симпозиум такой, что спасу нет!

А было ж время! И недавно вроде,  
На горке нашей зрели лопухи,  
Поэты потом обливались в огороде –  
Хотели кушать. Ну, какие ж тут стихи!

А мы паслись себе в лугах заветных,  
Слетать за пивом – и всего забот,  
Да до Парижу муз авторитетных  
Подбросить. Так и шел за годом год.

Но вызревало гибельное семя.  
Жирком пииты потихоньку обросли,  
Достали перья, и настало время,  
Когда в работу снова нас впрягли.

И вот теперь, не ведая покоя,  
В три смены пашем, некогда пожрать.  
Ратуйте, люди! Это что ж такое!  
Летать в эфирах... а когда поржать?

Вот хокку... тоже вроде бы стихи,  
А ведь Пегасов самураи не зовут!  
Пишите хокку, и вам спишутся грехи.  
И отпустите нас. Нас пегасята ждут.

\*\*\*

Лето, словно долгий век – детство.  
Год неделей пролетел – старость.  
Мир волшебный за окном – детство.  
Тусклый свет из-за гардин – старость.  
И куда могли года деться,  
Почему так мало их осталось?  
Их играя разбросало детство,  
И собрать никак не сможет старость.

Босиком вперегонки – детство.  
Валидол под языком – старость.  
Чудесами полон мир – детство.  
Все осталось позади – старость.  
Как глоток живой воды – взглядеться  
И почувствовать: ушла усталость.  
Утешает на закате – детство,  
И баюкает его – старость.

### ПРО СОСЕДА КОЛЮ

Люблю я всех людей на свете,  
Желаю им счастливой доли.  
Люблю, когда смеются дети,  
Но сильно не люблю соседа Колю.

Плохого слова ни о ком сказать не смею,  
На это у меня хватает воли.  
Я слово доброе для всех найти сумею,  
Для всех. За исключением гада Коли.

И женщин, если замужем они,  
Нескромным взглядом не обижу, кроме Оли,  
Любуюсь ею напролет все дни,  
Ну, почему она жена соседа Коли.

Ни на кого не подниму руки я,  
Не вижу я себя в подобной роли.  
Я даже мысли от себя гоню лихие,  
Как я убил бы скопидома Колю.

Я день воскресный чту, как православный,  
И в этот день себя работой не неволю.  
А он работает. Как было б славно,  
Когда бы паралич разбил соседа Колю.

Родителей своих я почитаю,  
Пусть боли их мою станут болью.  
Я только одного не понимаю,  
Кто мог родить соседа Колю?

Я свят почти. Душа не замутненна.  
Я чистоту свою блюду и холю.  
И я бы в рай попал определенно,  
Когда бы не было соседа Коли.